

Раздел 8

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: БОРЬБА ЗА НОВУЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ

УДК 94(470.5).084.5:378

Л. Я. Баранова

«МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...» (ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ У УРАЛЬСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В 1920-е ГОДЫ)

Автор утверждает, что основные черты и пути формирования советской идентичности были сформулированы в условиях Гражданской войны во второй программе РКП (б), получили свое дальнейшее развитие в трудах партийных лидеров в годы нэпа и окончательно закрепились в 1930-е гг. Для осуществления своих планов большевикам были нужны специально подготовленные люди, то есть «советская интеллигенция». Поэтому в начале 1920-х гг. партия взяла под тотальный контроль процесс обучения и воспитания в советских вузах.

Ключевые слова: строительство социализма, советский образ жизни, коммунистическое воспитание, пролетаризация социального состава, студенчество, новая мораль, атеизм, идеология, В. Ленин, Н. Крупская, А. Луначарский, Н. Бухарин, И. Сталин.

В 1950-е гг. в советской историографии закрепились мнение, что именно Сталин в 1930-е гг. стал целенаправленно реализовывать широкомасштабный проект социального конструирования, основанный на фантастической идее перестройки мира и построения коммунизма. Этот вывод повторялся в период «перестройки», а также в 1990-е гг. и встречается до сих пор. Внимательное изучение исторических процессов в годы нэпа дает возможность опровергнуть эти выводы и утверждать, что именно в 1920-е гг. были разработаны основные теоретические положения и найдены прак-

тические пути для переустройства общества на основе марксистско-ленинской идеологии.

В условиях Гражданской войны лидеры партии большевиков проводили работу по разработке новой программы, которая была принята на VIII съезде РКП (б) в 1919 г. и явилась мощным пропагандистским средством в борьбе за советскую власть и построение социализма. Уже в проекте программы Ленин обращал внимание на то, что «школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организованного, воспитывающего влияния... в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм» [Ленин, Проект программы РКП (б), с. 95–96]. Смысл этих положений он объяснил в речи на III Всероссийском съезде РКСМ в 1920 г.: «Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали» [Ленин, Задачи союзов молодежи, с. 309]. Ленинские идеи формирования социалистического образа жизни и подготовки новой интеллигенции последовательно развивали партийные деятели, руководившие сферой народного образования. Н. Крупская (зам. наркома образования) в обращении к советскому студенчеству подчеркивала: «Чтобы стать настоящим красным спецом надо учиться марксизму и ленинизму, усвоить пролетарскую идеологию, понять задачи, стоящие перед пролетариатом, вооружиться знаниями, чтобы творчески преобразовывать жизнь» [Крупская, с. 19]. Подобные мысли можно найти в высказываниях А. В. Луначарского, Н. И. Бухарина, А. С. Бубнова и других. В 1930-е гг. эти идеи присутствовали во многих выступлениях И. Сталина.

Особое внимание партии к студенчеству определялось не только идеологическими интересами, но также практическими и экономическими. Революция и Гражданская война привели к резкому сокращению интеллектуального потенциала страны. Выступая на IX съезде партии в 1920 г., Ленин говорил о 2 млн человек, уехавших в эмиграцию. Это были в основном высококлассные специалисты с высшим образованием. Командированный на Урал уполномоченный ЦК РКП (б) Д. Бразуль в 1920 г. писал в своем отчете: «Мы не нашли не только инженера и доктора, не только архитектора и финансиста, но и чертежника, фотографа, бухгалтера и мастера» [Бразуль, с. 29]. Для восстановления разрушенной экономики, для дальнейшего развития страны требовались подготовленные специалисты. Уже в конце Гражданской войны для решения этой проблемы большевики начали принимать экстренные меры: демобилизацию специалистов из Красной армии, проведение мероприятий по реэмиграции, выдвиженчество, улучшение материального

положения интеллигенции и др. В ряду этих мер главным стали подготовка и воспитание пригодных для решения подобных задач новых специалистов. Вузы и техникумы пользовались особым вниманием партии. В первую очередь был поставлен вопрос о социальном составе студенчества. На Урале в 1920 г. действовало всего два высших учебных заведения: Пермский университет и образованный по декрету Совнаркома Уральский университет. Необходимо было не только набрать нужное количество студентов, но и резко увеличить рабоче-крестьянскую прослойку в их составе. Этот процесс позже получил в партийной и научной литературе термин «пролетаризация». Мы считаем, что по отношению к 1920-м гг. он не совсем точно отражает процессы, происходившие в изменении социального состава студенчества. К началу 1921/22 уч. г. рабочие, крестьяне и их дети среди студенчества вузов РСФСР составили 14,6 %, в Пермском университете – 25 %, в Уральском – 40 % [Звезда]. Процесс демократизации студенчества начался, на наш взгляд, с принятием 2 августа 1918 г. декрета «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР» [Декреты Советской власти, с. 137], когда были созданы возможности для получения высшего образования у категорий, для которых оно ранее было недоступно. Мы считаем, что «пролетаризация» имела место в 1920-е гг., с ограничением прав социальных слоев, не относившихся к рабоче-крестьянским. Партийные органы разработали пути обеспечения доступа в вузы трудящихся и их детей: изменение правил приема (классовый подход), отмена экзаменов, открытие рабфаков для подготовки к обучению в вузах (в 1922 г. на 87 рабфаках республики обучалось 27 тыс. слушателей), проведение мобилизаций (за 1921–1923 гг. только профсоюзы направили в вузы около 300 тыс. чел., на Урале – 600 чел.) [Вихирев, с. 36; Высшая школа в РСФСР и новое студенчество, с. 40].

Рабфаки стали главным каналом продвижения пролетарского студенчества в вузы, к ним было приковано постоянное внимание партийных органов «снизу доверху». Так, вопрос о положении Уральского рабфака только с 8 июня по 1 сентября 1922 г. Уралбюро ЦК РКП (б) рассматривало пять раз. Исключение из вуза студентов рабоче-крестьянского происхождения происходило только с согласия партийной или комсомольской ячейки, им в первую очередь предоставлялись места в общежитиях, стипендии, всевозможные материальные льготы. В 1924 г. по указанию ЦК РКП (б) в вузах страны была проведена академическая проверка, целью которой было не столько освободиться от неуспевающих студентов, сколько «вычистить мелкобуржуазный элемент». Так как эти мероприятия

широко освещались в печати и комментировались пропагандистами, в комиссии по проверке поступало большое количество доносов о сокрытии студентами своего социального происхождения. Собственные дополнительные расследования проводили вузовские партийные и комсомольские ячейки. За период проверки из Пермского университета было исключено 299 чел. (26 % от общего числа студентов), из Уральского – 270 человек. Необходимо отметить, что наибольшее количество исключенных все же составили неуспевающие студенты (84 %), остальные были отчислены за непролетарское происхождение и антисоветские настроения [Студент-рабочий, 1924, № 9, с. 49]. Каждый новый набор в вузы тщательно анализировался партийными органами, принимались конкретные меры по усилению рабоче-крестьянской прослойки. Как отмечалось в июльском (1928 г.) Пленуме ЦК ВКП (б), «решающий вес пролетарских элементов» был обеспечен к концу первого десятилетия советской власти [КПСС в резолюциях, т. 4, с. 112]. В уральских вузах, находившихся в более плотном рабочем окружении, эти процессы шли быстрее и эффективнее.

Главными проводниками влияния большевиков в вузах стали партийные и общественные организации. Уже на первом партийном совещании по вопросам народного образования в 1920 г. было принято решение «командировать в вузы партийных товарищей для получения высшего образования, направлять опытных коммунистов для руководства вузами и студенческими комячейками [Директивы ВКП (б), с. 97]. В уральские вузы пришли такие известные партийные деятели как Б. В. Дидковский, Бела Кун, Б. Суница и др. Центральные партийные органы предписывали местным органам «воздерживаться от длительных мобилизаций» коммунистов из вузов. В регионах выявилось два подхода к вузовским коммунистам: одни считали, что их нужно включить в ячейки фабрик и заводов, чтобы они активно занимались идеологической работой; другие настаивали на том, что они должны вести партийную работу в вузах и способствовать подготовке советских специалистов. Поддержку у партийного руководства нашло второе направление. С постоянным увеличением пролетарской прослойки среди студенчества происходил рост вузовских партийных и комсомольских ячеек. Если в 1921 г. в Уральском университете коммунисты составляли 4,3 %, то в 1928 г. (УПИ) уже 14,6 %, в Пермском университете соответственно 2,0 % и 10,9 %. Студенты-коммунисты входили в правление вузов, приемные и предметные комиссии, студкомы общежитий, в хозяйственные комиссии и кассы взаимопомощи, в правления студенческих клубов и редакции журналов.

Они на практике проводили партийные установки по идейному воспитанию и прививали нормы коммунистической морали.

Уже к середине 1920-х гг. основная часть студентов уральских вузов являлась членами ВЛКСМ и до 90 % были членами профсоюза, что становилось основой для восприятия социалистических норм жизни. Партячейки вузов все больше ориентировались на идейно-политическую работу среди студенчества, на борьбу с антисоветскими проявлениями. Представитель ЦК ВКП (б) А. И. Сверцов, выступая на Всесоюзном совещании вузовских ячеек, объяснял, что «если ячейка занимается такими вопросами, как распределение талонов в баню или трамвайных билетов, то ей некогда заняться политико-воспитательной работой и беспартийным студенчеством» [О работе ячеек РКП (б), с. 11]. Создавая условия, формируя целостную систему воспитания «гармоничной личности в условиях победившего социализма», основной упор делался на идейно-политическое воспитание, а на его основе – на трудовое, нравственное и т. д. Партия нацеливала вузовских коммунистов на «развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этой цели аппарата и средств государственной власти» [КПСС в резолюциях, т. 2, с. 49]. Именно в 1920-е гг. в вузах, да и в советском обществе в целом, сложилась система идеологического воспитания, которая с некоторыми изменениями и поправками на текущую ситуацию просуществовала до конца советского периода. Можно отметить только некоторые особенности изучаемого периода. В условиях нэпа идеологическая работа в вузах объективно носила характер классовой борьбы, так как большое число студентов было из «мелкобуржуазной среды». С другой стороны, нэп давал больше свободы для выражения своих взглядов, что делало процесс более демократическим. Студенчество широко обсуждало сменовеховские идеи, читало независимую от партии прессу. К ней относился сменовеховский журнал «Новая Россия», который в редакционной статье определил свой статус «как беспартийного публицистического органа, призванного искать «новую идеологию» [Новая Россия, 1922, № 1, с. 1–3].

Главным способом борьбы с иными взглядами стало введение в вузах обязательных курсов общественных дисциплин, основанных на идеях марксизма-ленинизма. Декретом СНК от 4 марта 1921 г. в вузах был введен обязательный минимум общественных наук [СУ РСФСР, 1921, № 19, с. 117–119]. Отсутствие подготовленных для чтения этих курсов преподавателей привело к тому, что во многих вузах, особенно вне столицы, не преподавалось ни одной общественно-политической дисциплины. Ленин обращал на это внимание партийных органов, требуя принять срочные меры: «До сих пор

в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [Ленин, Предисловие к книге И. И. Степанова, с. 52]. Для подготовки кадров был создан Институт красной профессуры, в вузы направлялись коммунисты, имевшие хоть какую-нибудь теоретическую подготовку, активизировалась работа вузовских коммунистов. В условиях отсутствия идеологических учебных дисциплин студенты-коммунисты создавали кружки политграмоты, проводили политэкзамены и политсуды (в том числе и для преподавателей, что часто приводило к конфликтам). ЦК ВКП (б) регулярно рассматривал вопрос о политическом образовании студентов, опираясь на отчеты местных окружкомов по этой проблеме. Изучение протоколов первичных партийных и комсомольских организаций подтверждает, что они широко практиковали личные отчеты студентов об изучении общественных дисциплин, строго спрашивали за неуспеваемость и пропуски. Важным аспектом этой деятельности было обеспечение студентов политической литературой. При отсутствии специальной литературы широко использовался материал из центральных и местных газет и журналов. С 1920-х гг. подписка на печатные издания стала обязательной для каждого студента, хотя регулярно их читали не более 25 % [Студент-рабочий, 1924, № 4–5, с. 88].

Особое место в системе политического воспитания студентов уральских вузов заняли их собственные журналы: «Студент-рабочий» (Уральский университет), «Студент-пролетарий» (Пермский университет). На их страницах размещались материалы политических дискуссий и лекции по общественным дисциплинам, наиболее актуальные статьи из центральных журналов, материалы для политинформаторов. Многие студенты были агитаторами, выступали с лекциями в подшефных университетах волостях. Центральный журнал «Красная молодежь» в 1924 г. писал, что «журнал уральского студенчества (Студент-рабочий) надо признать одним из лучших выходящих в СССР студенческих журналов [Красная молодежь, 1924, № 2, с. 185]. Студенческие печатные и рукописные журналы и газеты этого периода заслуживают отдельного заинтересованного анализа.

В 20-е гг. закрепился основной принцип в трудовом воспитании советской молодежи – это коллективный, добровольный, безвозмездный труд на благо общества. А. В. Луначарский, выступая перед студентами, учил их, что базой трудового воспитания, позволяющей сформировать у молодых людей коммунистические взаимоотношения в процессе труда, «является только

коллектив» [Луначарский, с. 33]. Следует отметить, что со стороны партии и власти всегда присутствовал прагматичный подход к студенчеству как к бесплатной рабочей силе, хотя он обычно прикрывался идеологическими лозунгами или кампаниями (помощь колхозам в уборке урожая, освоение целины, субботники, строительные отряды и т. д.). Особенностью трудового воспитания студенчества в 1920-е гг. было как раз то, что оно носило не столько идеологический характер, сколько экономический. В докладе Наркомпроса (1921 г.) отмечалось, что «высшие учебные заведения стоят без ремонта, все отвратительно оборудованы, средств на их содержание не хватает [Народное просвещение, с. 20]. «В этом году на 500 слушателей Пермский рабфак получил 9 пар обуви, что свидетельствует о крайне тяжелом материальном положении студентов, об отсутствии государственных средств» [Пермский рабфак, с. 26]. В 20-е гг. студенты были вынуждены сами заниматься спасением своих учебных заведений, тем более что пролетарская часть студенчества была приучена к труду. Студенты уральских вузов работали на лесозаготовках и обеспечивали вузы топливом, заготавливали продовольствие для своих столовых, изготавливали приборы для лабораторий, производили товары ширпотреба (мыло, соду, мебель и др.) на продажу. Как вспоминали студенты тех лет, в общежитии, в учебном здании, в столовой они привыкли все делать своими руками. Впрочем, других возможностей и не было. С улучшением материального положения в стране основным трудом студента становилась учеба, вводилась производственная практика, начинали работать научные кружки. В вузах были введены «трудовые книжки», в которых отмечались не только успеваемость, но и общественно-полезный труд, участие в субботниках¹.

Наиболее сложно и радикально в советских вузах, как и в целом в обществе, шли процессы внедрения новых моральных стандартов. Это было связано не только со стойкостью исторических традиций, но и с изменениями, которые привнесла практика нэпа после суровых лет Гражданской войны. А. С. Бубнов в выступлении перед студентами подчеркивал, что нэп принес новый расцвет «бульварщины, пинкертоновщины и порнографии» [Бубнов, с. 35]. Клара Цеткин, которая много общалась с Лениным и обсуждала вопросы новой морали, писала: «Ленин всегда делал упор на то, что коммунисты не должны допускать, чтобы вопросы коммунистической морали трактовались не по-марксистски и создавали почву для дезорганизующих уклонов и извращений» [Воспоминания о Лени-

¹ В 1970-е гг. опыт с книжками будет повторен в виде общественно-политической практики (ОПП).

не, с. 48]. В директивах большевиков постоянно указывалось на то, что необходимо бороться с морализаторством, не допускать отрыва от партийных и классовых принципов. Утверждался тезис, что морально то, что служит делу партии и построению социализма.

Борьба за коммунистическую мораль прежде всего приняла откровенный антирелигиозный характер, и в 1920-е гг. она носила оттенок большей непримиримости, чем в 1930-е гг., что объясняется поколенческой близостью к слою верующих и меньшим количеством воинствующих атеистов. В вузах вместо религиозных праздников отмечались комсомольское рождество, пасха, крестины. Комсомольские крестные нарекали детей новыми революционными именами. Вместо крестных ходов в Перми и Свердловске студенты организовывали свои демонстрации.

По-новому в вузах встал вопрос об отношении к женщине. Огульное отрицание старых «буржуазных» норм (супружеская верность, нормы семейного права и т. д.) привело к дискуссии о принципах «свободной любви». Студент С. Смирнов в статье «Мысли о сущности старой и новой любви» проводит мысль о том, что «разрывы будут случаться с неизбежностью, не надо их страшиться, детьми займется государство» [Студент-пролетарий, 1924, № 3, с. 28–30]. На страницах студенческой печати и в аудиториях активно обсуждалась знаменитая теория «стакана воды» (удовлетворить сексуальную потребность должно быть так же просто, как выпить стакан воды), по сути которой выступал даже Ленин.

По-революционному шел процесс выработки норм поведения студенчества, особенно в отношении преподавателей и студенток, которых раньше в российские вузы не допускали. Низкий культурный уровень пролетарского студенчества, большевистская идейность приводили к множеству конфликтов, которые приходилось разбирать партийным и комсомольским органам. Судя по протоколам заседаний, студентам объясняли, что нужно соблюдать определенные правила при общении с профессурой (здороваться, спрашивать разрешения войти и выйти из аудитории, уступать место и т. д.), что чистая одежда, галстук, носовой платок не являются элементами буржуазной культуры и мещанством. Было бы необъективно не отметить, что в эти годы утверждались нормы поведения и общения, о которых все больше ностальгирует старшее поколение сегодня: взаимопомощь, скромность, национальная терпимость, многие черты, которые принято называть толерантностью. Большое значение для развития этих черт имели совместное проживание в общежитиях, времяпрепровождение в студенческих клубах, организация многочисленных мероприятий. Таким образом, к концу

1920-х гг. выработался определенный советский тип поведения, основанный на упрощенных представлениях о личной свободе и марксистско-ленинской идеологии.

Бразуль Д. На освобожденном Урале и в освобожденной Сибири. Екатеринбург, 1921.

Бубнов А. С. Буржуазное реставраторство. Пг., 1923.

Вихирев Н. В. Рабочие факультеты к десятилетию Октября. М. ; Л., 1927.

Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 5. М., 1979.

Высшая школа в РСФСР и новое студенчество. Пг., 1923.

Декреты Советской власти. Т. 3. М., 1964.

Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. М. ; Л., 1929.

Звезда (Орган Пермского губкома РКП (б) и губисполкома). 1921. 8 июня.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. М., 1970. Т. 4.

Красная молодежь. 1924. № 2.

Крупская Н. К. Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 20–30.

Ленин В. И. Проект программы РКП (б) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 38. С. 81–124.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 41. С. 298–318.

Ленин В. И. Предисловие к книге И. И. Степанова «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55-ти т. Т. 45. С. 51–52.

Луначарский А. В. Воспитание нового человека. Л., 1928.

Народное просвещение (Орган Наркомпроса РСФСР). 1923. № 2.

Новая Россия. 1922. № 1.

О работе ячеек РКП (б) высших учебных заведений. М., 1925.

Пермский рабфак за 10 лет. Пермь, 1929.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1921. № 19.

Студент – пролетарий (Орган бюро профсекций Пермского университета). 1924. № 3.

Студент – рабочий (Орган бюро профсекций Уральского университета). 1924. №4–5, 9.